

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №3 (24)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,
Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2020

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2020 №3 (24)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2020

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiylko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedev, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 г.

The journal was prepared with the support of the RSF grant on “Religion and power: the historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М., Савельева Т. В., Камалдинов И.</i> Средневековые города Илийской долины (Северо-Восточное Жетысу-Семиречье) на Великом Шелковом пути в VIII–XIV вв.	7
<i>Васютин С. А.</i> Проблемы преемственности сложных социально-политических форм в кочевых империях Внутренней Азии конца I тыс. до н.э. — начала II тыс. н. э.	35
<i>Серегин Н. Н., Васютин С. А.</i> Тюркские оградки урочища Нижняя Соору: неопубликованная часть комплекса (по материалам раскопок А. С. Васютина)	52
<i>Табалдиев К. Ш., Херманн Л., Тишин В. В., Железняков Б. А.</i> Новые руноподобные надписи в Кенколе (верховья Таласской долины)	65

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Атдаев С. Дж.</i> Обряд испрашивания дождя у туркмен.....	83
<i>Kotova D. V., Matytsin K. S.</i> The Altai old believers — “poles” in ethnographic works of the imperial period	98

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Артемяева Н. Г., Макиевский С. В.</i> Буддийская кумирня возле с. Киевка (Приморский край).....	108
<i>Марсадолов Л. С.</i> Новая семантика зооморфных образов на саркофаге из кургана Башадар-2 на Алтае	127
<i>Должиков В. А., Ильин В. Н.</i> Старообрядчество Алтая в контексте дискриминационной конфессиональной политики российской имперской власти XVIII в.....	151
<i>Рыбаков Н. И.</i> Назорейский обряд на Енисее. Часть I	167

ДЛЯ АВТОРОВ	199
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Baipakov K. M.</i> , <i>Savelyeva T. V.</i> , <i>Kamaldinov I.</i> Medieval towns of Ili valley (North-eastern Zhetysu-Semirechye) on the Great Silk Road in the XIII–XIV centuries.....	7
<i>Vasyutin S. A.</i> Succession issues of complicated social and political formations IN Inner Asia nomadic empires of late 1ST millenary B. C. — early IIND millenary A. D.	35
<i>Seregin N. N.</i> , <i>Vasyutin S. A.</i> Turkic enclosures in the nizhnyaya sooru natural boundary: unpublished part of the complex (based on excavations by A. S. Vasyutin)	52
<i>Tabaldiyev K. Sh.</i> , <i>Hermann L.</i> , <i>Tishin V. V.</i> , <i>Zheleznyakov B. A.</i> New runic inscriptions in Kenkol (upper Talas valley).....	65

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Atdaev S. J.</i> Rite of asking for rain from turkmens	83
<i>Komova D. V.</i> , <i>Matytsin K. S.</i> The Altai old believers — “poles” in ethnographic works of the imperial period.....	98

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Artemieva N. G.</i> , <i>Makievskij C. V.</i> Buddhist idol near s. Kiev (Primorsky krai).....	108
<i>Marsadolov L. S.</i> New semantics of zoomorphic images on the sarcophagus from barrow Bashadar-2 in Altai.....	127
<i>Dolzhikov V. A.</i> , <i>Ilyin V. N.</i> The old believers of Altai in the context of discriminatory confessional policies of the Russian imperial power of the XVIII century	151
<i>Rybakov N. I.</i> The nazarene rite on the Yenisei. Part I	167

FOR AUTHORS	199
--------------------------	-----

УДК 94 (47)

DOI: 10.14258/nreur(2020)3-09

В. А. Должиков

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

В. Н. Ильин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия);

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Барнаул (Россия)

СТАРООБРЯДЧЕСТВО АЛТАЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКРИМИНАЦИОННОЙ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ*

Рассматривается процесс заселения и хозяйственного освоения предгорной территории Алтая свободолобивыми русскими крестьянами-старообрядцами, подвергавшимися жестоким преследованиям со стороны имперской власти. Главной причиной массового бегства из европейской части страны адептов православного традиционализма на юго-восток являлась правительственная дискриминация. Такого рода государственно-конфессиональная политика вызывала ответное сопротивление, доходившее до крайних форм социального протеста — групповых самосожжений. Однако наиболее распространенным вариантом противодействия старообрядцев репрессивной государственной политике было главным образом бегство в труднодоступные горные местности, что способствовало хозяйственному и культурному освоению необжитых территорий. В результате по концентрации старообрядческого населения Алтай уже к концу XVIII в. занимал одно из первых мест в России. Отмечена особая ценность человеческого капитала данной группы русского народонаселения, которая обладала всеми необходимыми качествами для спонтанной колонизации трансграничного пространства южной Сибири.

Ключевые слова: Алтай, имперская власть, дискриминация, колонизация, «гари», «каменщики», «поляки».

* Работа подготовлена в рамках реализации гранта РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

V. A. Dolzhikov

Altai State University, Barnaul (Russia)

V. N. Ilyin

Altai State University, Barnaul (Russia)

Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Barnaul (Russia)

THE OLD BELIEVERS OF ALTAI IN THE CONTEXT OF DISCRIMINATORY CONFESSIONAL POLICIES OF THE RUSSIAN IMPERIAL POWER

The article discusses the process of settlement and economic development of the foothill territory of Altai by freedom-loving Russian Old Believer peasants, who were subjected to severe persecution by state and church imperial authorities. The main reason for the exodus of Orthodox traditionalism from the European part of the country, that is, the Old Believers to the southeast, was, as the authors note, government discrimination. This kind of state-confessional policy provoked reciprocal resistance, reaching even extreme forms of social protest — group self-immolations, or the so-called “burns”. However, the most common option for counteracting Old Believers repressive state policy was mainly to flee to remote mountainous areas, which contributed to the economic and cultural development of uninhabited territories. As a result, by the concentration of the Old Believer population, Altai already by the end of the 18th century. occupied one of the first places in Russia. The authors note the special value of the human capital of this group of the Russian population, which possessed all the necessary qualities for the spontaneous colonization of the transboundary space of southern Siberia.

Keywords: Altai, imperial power, discrimination, colonization, “burning”, “masons”, “Poles”.

Должиков Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: dolzhikov@yandex.ru

Ильин Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: vse-ilin@mail.ru

Dolzhikov Vyacheslav Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, Altai State University, Barnaul (Russia). Contact address: dolzhikov@yandex.ru

Ilyin Vsevolod Nikolaevich, candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations of the Altai state University; associate Professor of the Department of state and municipal

administration of the Altai branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration, Barnaul (Russia). Contact address: vse-ilin@mail.ru

На трансграничных территориях южной Сибири в XVII–XVIII вв. была принята стихийная попытка реализации вековой народной мечты о свободной «земле и воле». Сюда бежали, спасаясь от наступавшего крепостничества, опричного террора и преследований за веру, первые русские крестьяне-землепроходцы. Своеобразным маяком для них служил миф о Беловодье — стране мужицкого рая. Легенда эта, как считают некоторые исследователи, распространялась в народном сознании еще с XIV в. Мифологема имела двоякий смысл, указывая, с одной стороны, на конкретный географический ориентир, связанный с наличием долин с множеством рек и ручьев белого цвета. Координаты четко соотносились с древнерусским толкованием слова «белый» как синонима понятия «свободный» (сравни, например: «обельный холоп», «беломестная слобода» и т. д.) [Чистов, 1962: 116]. Именно плодородные предгорья и горные долины Алтая русские первопоселенцы «... называли прежде “Беловодьем”», что означало «край вольный, обильный всеми житейскими потребностями, и удобный для поселения в каких угодно местах». А до той поры, пока здесь не закрепились еще имперская администрация, «многие жители северо-восточных областей [европейской] России по следам промышленников-звероловов приходили туда целыми обществами». Вольные поселения здесь основывали по преимуществу крестьяне, как подчеркивает С. И. Гуляев, «придерживающиеся старообрядчества» [ГААК. Ф. 163. Оп. 1 Д. 113. Л. 109]. Данное обстоятельство замалчивалось исследователями, унаследовавшими от официозной имперской историографии казенно-бюрократическую версию заселения региона русскими крестьянами. Вольно-народный характер колонизации Верхнего Приобья они традиционно не признавали, зато всячески преувеличивали роль агентов императорского правительства в освоении природных ресурсов края [Булыгин, 1974: 44].

Историки и этнографы, изучающие народный фольклор, при текстуальном анализе мифа о Беловодье, как правило, акцентируют его социально-политический утопизм и поэтический характер. В свою очередь авторы данной статьи придерживаются иной версии декодирования беловодческого мифа, связывая его происхождение с мечтой о свободе, утраченной земским сообществом во второй половине XVI в. после контрреформ Ивана IV Грозного 1560-х гг. и особенно в итоге деструктивной церковной реформы 1660-х гг.

Момент перелома для русских крестьян-поселенцев наступил, когда богатые рудные месторождения Алтая, в первую очередь серебро как драгоценный и в то время дефицитный для казны «валютный» металл — оказались в сфере повышенного внимания со стороны имперской власти. Не располагая еще достаточными финансовыми ресурсами, правительство вынуждено было в 1726 г. предоставить монопольное право на строительство здесь рудников и заводов талантливому организатору горнодобывающей промышленности А. Н. Демидову. Для развертывания многоотраслевого производственного комплекса на Алтае требовалась рабочая сила, при-

чем в большом количестве. Поэтому Демидов получил от власти своего рода «карт-бланш» на принудительное использование труда освоившихся здесь к тому времени «самовольных» русских поселенцев. Ему были даны необходимые полномочия на приписку, т. е. фактически на закрепощение, как жителей окрестных деревень, учтенных всероссийской ландратской ревизией 1719–1721 гг., так и «пришлых, кои живут в лесах... и шатающихся по селам дворцовых, и монастырских, и помещицких людей, и крестьян, кои в подушный оклад не написаны». Все они принуждались к работе на демидовских предприятиях, а их тогдашний владелец обязывался за них платить подать [Очерки..., 1987: 50; Булыгин, 1999: 7–8]. Эта мера вызвала новую волну протеста у крестьян-старообрядцев, бежавших ранее от крепостничества из северных губерний Европейской России. При Петре I были разорены старообрядческие поселения на левом берегу Волги близ устья реки Керженец в Нижегородской губернии. Староверы, бежавшие отсюда на Урал и дальше на восток, стали впоследствии называться «кержаками». В Сибири это название распространялось фактически на всех старообрядцев.

Во второй половине 1721 — начале 1722 г. от центральных правительственных учреждений местное начальство получило распоряжение, требовавшее срочно провести поголовную запись «раскольников» в двойной оклад. 24 февраля 1722 г. была направлена соответствующая инструкция генерал-майору П. Г. Чернышеву «О свидетельстве душ мужского пола», в которой устанавливался порядок проведения ревизии. Однако старообрядцы упорно не хотели признавать систему записи в двойной подушный оклад. Согласие платить многие из них рассматривали как подчинение «силам антихриста». Стойкий отказ заноситься в ревизские списки, характерный для наиболее радикальных ответвлений старообрядчества, фиксируется в документах на протяжении всего XVIII в. и в XIX в. [Мамсик, 1973: 1–206; Покровский, 1974: 1–392].

Перепись, за проведение которой отвечало военное начальство, согласно в эсхатологии старообрядцев, была равносильна концу света. Она привела к трагическим последствиям, так как перенесла в Сибирь из второй половины XVII в. крайнюю форму старообрядческого сопротивления — так называемые гари. Теряя надежду на будущую свободную жизнедеятельность, отдельные старообрядческие общины стали прибегать к экстраординарным формам антикрепостнического протеста — коллективным саможжениям [Беликов, 1905: 5–6; Пулькин, 2013: 1–510, Сапожников, 1891: 170].

В начале 20-х гг. XVIII в. неким Иоанном-вероучителем была основана староверческая обитель в Кузнецком уезде Белоярской слободы «близ деревни Язовой на острове на Чумыше». Получив известия об этом, властями была направлена из города Тары военная команда, которая в феврале 1723 г. разгромила скит. Спасшийся от Язовского погрома Иоанн бежал в деревню Елунино. К нему собрались в большом количестве адепты старой веры. Они укрепили деревню и стали готовить ее к обороне, а в случае неудачи, и к самосожжению. Вскоре к селу подошли вооруженные каратели, преследовавшие Иоанна. После штурма старообрядцы подвергли себя самосожжению. Число сгоревших определяется исследователями ориентировочно в 1100 человек [Документы..., 1997: 242]. Но даже если это число и несколько завышено, то все равно по чис-

лу жертв Елунинская «гарь», бесспорно, являлась одной из самых катастрофических в крае по своим последствиям.

Другие массовые староверческие «гари», происходившие в то время на Алтае, это Морозовская 1725 г. в Бердском ведомстве, в деревне Новой Шадриной на реке Лосихе в 1739 г. и в деревне Лепехиной на реке Чумыше в 1743 г. [Документы..., 1997: 241–245]. По данным Н. Н. Покровского, численность погибших при самосожжении староверов деревни Морозовой составила 147 человек [Покровский, 1974: 55].

При правительстве императрицы Анны и Бирона, рассматривавших старообрядцев исключительно как враждебную по отношению к государству силу, происходит уже сточение преследований ревнителей «древлего благочестия». На Алтае происходит широкомасштабная операция по ликвидации всех тайных убежищ беглых. «Староверческих монахов и монахинь приказывалось развести по монастырям Сибири для увещевания, беглых поселить при казенных заводах для принудительной работы в таких местах, где б они сообщения с правоверными и их превращать в свою ересь распространять случая не имели». Во исполнение данного приказа были арестованы сотни староверов. Преследуемые церковными и светскими властями, староверы стали собираться в глухих местах с целью спасения, а при необходимости и самосожжения. Близ деревни Новой Шадриной Семеном Шадриным был организован укрепленный лагерь, где утаились 324 человека. В ноябре 1739 г. состоялся штурм лагеря правительственным вооруженным отрядом, вследствие чего произошло самосожжение. Огню добровольно подвергли себя свыше 300 человек [Булыгин, 1999: 27].

Староверческие «гари» были актами протеста людей, доведенных до крайнего отчаяния. При этом самосожжения наносили определенный экономический ущерб как процессу заселения Верхнего Приобья, так и горнозаводскому производству. Неслучайно начальник Колывано-Воскресенских заводов А. В. Беэр 14 января 1748 г. сообщал в Сибирскую губернскую канцелярию об острой нехватке рабочих рук, возникшей на заводах и рудниках из-за церковных розысков староверов. Он потребовал возвратить ведомству 19 арестованных рудоискателей. Беэр подчеркивал, что именно из-за жестоких преследований со стороны церкви погибли лучшие из них: «Кабанов убит, Кудрявцев сам сгорел» [Булыгин, 1999: 7].

Об ущербе человеческому капиталу, наносимом «гарями», говорит и следующий документ: в Белоярском ведомстве в деревне Лепехиной крестьяне Ефим, Федор и два Ивана Лепехина с матерями в избе у Федора Лепехина приготовились к самосожжению, обложив избу сеном. «И сказывали они Лепехины, что приписаны они к Колыванским заводам в работу и из тех заводов бежали и умыслили де оне згореть в своей деревне собою, ежели де им от кого гонение будет» [Документы..., 1997: 246–247]. В связи с этим происшествием Кузнецкой воеводской канцелярией в Бийскую крепость 8 марта 1742 г. было послано распоряжение, «чтоб за тем смотрели накрепко и в том собрании и в другие места к раскольническому собранию и сожжению никого не допускать...». О дальнейшей судьбе этих староверов писал Д. Н. Беликов: «В 1743 году крестьяне Лепехины на Чумыше решились на самосожжение». В 1744 г. в указе из Синода митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию об этом событии сообщалось: «...Кузнецкого ведомства Белоярского острога в деревне Лепехиной раскольники Фе-

дор Лепехин с матерью и детьми и прочими мужской и женского пола, всего 18 человек, собрався в одну избу, сгорели» [Покровский, 1974: 322; Беликов, 1905: 35]. В. В. Розанов дает следующую характеристику староверческим гарям: «Сама Церковь изменила вере, а народ — есть дитя веры, дитя Церкви. Горели они мучительной смертью, Христовой смертью, в венце колючем мучений, чтобы уподобиться святым, за веру пройти путь мученический, как протопоп Аввакум, и другие противники никоновских нововведений» [Розанов, 1994: 205].

Все, что делается для Бога, со старообрядческой точки зрения, — не может считаться греховным. Понятно, что далеко не каждый из обычных людей мог решиться на такое. Акт огненного спасения выбирали для себя лишь самые непримиримые и твердые приверженцы старообрядческого православного традиционализма. Оставшиеся в живых, а таких было подавляющее большинство, стремились уйти подальше на юг и юго-восток Алтая, в глухие и пока недоступные для горнозаводского начальства местности. Тем не менее, на территории Русского Алтая в первой половине XVIII в. самосожжения все же представляли собой крайнюю форму социального протеста, вызванного тотальным закрепощением подданных государственной властью. В целом же антикрепостническое сопротивление крестьян-старообрядцев Алтая носило пассивный характер, чаще всего проявлялось в форме одиночных и групповых побегов в наиболее отдаленные и малоосвоенные местности.

Бежали обычно семьями, а иногда и группами (иногда до 80 человек). Мотивировкой для такого бегства было стремление спастись не только от физического порабощения, но и духовного подчинения «Царству антихриста». Об этом документально свидетельствуют многочисленные протоколы полицейских допросов пойманных беглецов [Кривоносов, 1988: 50–53]. К подобным формам протеста старообрядцы стали прибегать все чаще в период правления императрицы Елизаветы, когда процесс распространения крепостнических порядков на Алтае резко усилился. Это во многом было обусловлено кардинальными изменениями в характере собственности на землю, природные ресурсы и само горнозаводское производство в округе [Мамсик, 1978: 30–34].

Массовый уход из пределов досягаемости системы государственного крепостничества и синодально-церковного порабощения способствовал распространению социальной легенды о Беловодье — прекрасной стране «свободы и справедливости». В глубине наиболее труднодоступных горных долин Алтая начинали создаваться тайные убежища беглецов — «каменщиков». Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова в 1930 г. объясняли происхождение этого названия историей первоначального появления этого населения в верховьях реки Бухтармы. Предки современного бухтарминского населения, состоящие по преимуществу из лиц, бежавших с горных заводов Алтая и из других мест вследствие религиозных преследований, «забежали», как там говорят, в наиболее недоступные места, в ущелья и горы, или «камни», по местной терминологии. От этого названия гор (камни) и происходит название данной группы старообрядцев — каменщики [Бломквист, Гринкова, 1930: 2]. Г. Спасский и А. Принтц писали о каменщиках: «Жилища, ими построенные среди дикой природы, соединявшей некоторые удобства для домашнего скота и земледелия, были со всех сторон окружены высочайшими горами и быстрыми многоводными реками. Они жили мирно, соблюдая строго старо-

обрядческие правила веры; земля, никогда не возделанная, щедро вознаграждала труды земледельцев, звероловство давало несметные богатства, одним словом, они могли пользоваться полной независимостью привольной жизнью» [Очерки..., 1987: 330].

В Бухтарминской и Уймонской долинах русское население появилось не позднее середины XVIII в. и как раз в тех местах, которые до того времени были районом кочевков скотоводов-казахов. Впервые о поселках стало известно властям уже в конце века. Поселившиеся самовольно в верховьях алтайских рек крестьяне основали ряд поселений и положили начало старообрядческим населенным пунктам в Горном Алтае. Начав первыми осуществлять культурное и хозяйственное освоение региона, беглецы в первую очередь закладывали основу для будущей колонизации этого богатого края русскими людьми, выполняли пригранично-охранительные функции. «В 80-х годах XVIII века отношение царской администрации к каменщикам, — замечает Ю. С. Булыгин, — меняется. Их начали рассматривать не только как беглых, а, следовательно, в глазах властей — преступников, но и как первопоселенцев, обживающих новую территорию и тем облегчающих ее окончательное закрепление за Россией. ... Летом 1792 года на Бухтарму были посланы землемер для описания и определения мест для земледелия и унтер-шихтмейстер для описания новой территории и перепеси каменщиков. Было установлено, что всего у каменщиков было 30 населенных пунктов и в них приняты в подданство 250 душ мужского и 68 женского пола. ... Вскоре для военной охраны нового района был построен Бухтарминский редут. Присоединение Верхнего Приобья к России закончилось» [Булыгин, 1974: 24–25].

Правительствующим Сенатом 1 февраля 1762 г. был издан указ по предотвращению самоубийств. Рекомендовалось в срочном порядке прекратить все следственные дела о староверах, а находившихся под караулом — отпустить. Уже 4 декабря 1762 г. был издан манифест о *позволении* бежавшим из России возвращаться в страну. 14 декабря того же года этот манифест был дополнен комментариями. Разъяснялось, что старообрядцы, возвратившиеся на родину из-за рубежа, властью больше не преследуются, но должны записываться в двойной подушный оклад наравне с другими единоверцами. При уплате других налогов им предоставлялась льготная отсрочка на 6 лет, а для поселений отводилась территория на Алтае по рекам Березовке, Убе и Ульбе.

В Польше в тот момент на реке Ветка сложился крупный старообрядческий центр. Старообрядцы, будучи теснимыми правительством, бежали сначала в Стародубье, потом за польскую границу, в Гомельский уезд. Правительство неоднократно обращалось к ветковцам с приглашением вернуться на родину. Однако никаких добровольных переселений по вполне понятным причинам не последовало. После неоднократных отказов ветковцев в 1735 г. в этот старообрядческий центр был направлен военный отряд, который разорил его, а население было возвращено в пределы России. Правда, через некоторое время Ветка снова возродилась, и только в 1764 г. царские войска разгромили старообрядческие поселения на этой реке. В 1765 г. было предписано с «раскольников» вместо откупных денег взимать рекрутов натурой (не стали исключены даже те, кто находился в скитах). Указом 1767 г. для купцов, записанных в «раскол», вводился двойной подушный оклад с вносимых ими «податей и прочих сборов с торгов и промыслов». Старообрядцы из Польши в итоге были переселены в Сибирь насиль-

но, сразу после захвата правительственными войсками Ветки. Всего было депортировано до 20 тысяч человек [Курилов, Мамсик, 1998: 23]. На Алтай переселенцы прибыли в 1766 г. Часть из них поселилась в уже существовавших ранее деревнях (Шемонаихе, Екатерининской), а большинство переселенцев образовали новые деревни: Секизовскую, Бобровскую, Верх-Убинскую. Крупнейшим центром «поляков» стала деревня Староалейская. Согласно выразительной оценке академика Н. Н. Покровского, «полторы тысячи переселенцев составили яркое и заметное пятно на этнографической карте Алтая» [Покровский, 1974: 330; Беликов, 1905: 23].

По мнению исследователей, принудительная «штрафная колонизация» старообрядцами территории Русского Алтая имела важное экономическое значение. Вблизи заводов и рудников необходимо было поселить достаточное число крестьян-землепашцев, которые могли бы производить необходимое количество продуктового и фуражного зерна для нужд горнозаводского и военного контингента. Рост горнозаводской промышленности в регионе, наличие здесь гарнизонов регулярных войск требовали расширения хлебопашества. Поэтому имперская власть видела в старообрядцах по преимуществу колонистов, которые смогут производить хлеб и другие сельскохозяйственные продукты там, где их не хватало. Тем более, что эти русские люди отличались прирожденным трудолюбием, предприимчивостью, трезвым образом жизни [Курилов, Мамсик, 1998: 24].

Несмотря на жесткую «противораскольническую» имперскую политику, приобретавшую иногда откровенно репрессивный характер, благодаря старообрядцам происходило культурно-хозяйственное освоение необжитых ранее земель Алтая, находившихся в трансграничном пространстве Российской империи. По оценке Ю. С. Булыгина, «старообрядцы внесли значительный вклад в заселение и освоение бассейнов рек Чарыш и Алей, окрестностей Колывано-Воскресенского завода. Приверженцы старой веры приходили на эту территорию самостоятельно, а также присылались А. Н. Демидовым, укрывавшим нужных ему людей от развернувшихся на Урале преследований. Среди раскольников, осевших на Колывано-Воскресенских заводах или в окрестных деревнях, были талантливые организаторы, знатоки горнорудного дела. Они внесли солидный вклад в организацию работы демидовских предприятий в Верхнем Приобье» [Булыгин, 1999: 24–25].

В процессе как «самовольной», так и правительственной колонизации Алтай постепенно превращался в один из крупных региональных центров старообрядчества. «Алтайский край почти сплошь раскольнический, — отмечал дореволюционный томский историк, протоиерей Д. Н. Беликов, — православные или, по раскольническому выражению, “мирские” составляют здесь редкость, но и они, если принадлежат к исконным сибирякам, заражены старообрядческой “закваской”» [Беликов, 1901: 7, 28]. Вместе с тем данная территория оставалась ареной ожесточенной борьбы светских и церковных властей империи с ненавистным им «расколом».

По мнению представителей официального православия, именно алтайские «каменщики» и переселенные сюда из западных губерний «поляки» считались даже «более упорными фанатиками», чем остальные их единоверцы [Записка..., 1997: 85]. Благодаря этой своей стойкости они смогли перенести на вновь осваиваемые земли юга

Сибири духовные ценности, нравственные традиции, бытовую и социальную культуру северорусского Поморья. Старообрядцы не просто способствовали хозяйственному освоению этой территории и закреплению ее в составе Российской империи, они придавали Алтаю «русскую» этнокультурную идентичность.

Тяга старообрядцев русского Алтая к свободе увенчалась созданием в середине XVIII в. в горной Бухтарминской долине большой территориальной общины «каменщиков» [Гуляев, 1845; Принтц, 1867; Бломквист, Гринкова, 1930], общественная и хозяйственная жизнь которых строилась на принципах коллективистской солидарности, самоуправления и самоорганизации. Это была, говоря словами Г. Н. Потанина, своеобразная «республика русского духа» [Потанин, 1977: 35]. Основали ее бежавшие от принудительного труда и чиновничьего произвола мастеровые, не желающие идти в рекруты молодые крестьяне из подзаводских приписных сел, дезертировавшие от ненавистной муштры солдаты, недавние каторжники и ссыльнопоселенцы. Однако социальное ядро Алтайской Руси составили активные адепты народного, староверческого православия. Среди «каменщиков» они пользовались большим авторитетом и уважением «за образ жизни скромный» и «знание грамоты». По оценке С. И. Гуляева, «причины побегов их заключались в том, чтобы свободно отправлять обряды своего толка, и что по толкованиям своих “старцев” — учителей для спасения душ необходимо удаляться в места пустынные и необитаемые: поелику-де в мире распространилось царство антихриста...». Но это верно только по отношению к «ядерному» составу формировавшейся общины. Остальные беглецы пробирались в дальние горы с несколько иной целью: «одни дабы освободиться от своих обязанностей (т. е. от принудительных заводских и рудничных работ или от рекрутчины. — В. Д., В. И.), — сообщает исследователь, — другие от наказания, все для житья по своей воле, беспошлинной меновой торговли с инородцами и звериного промысла». В целом же волостная община «каменщиков» (русских горцев) состояла из «людей, любивших жизнь, не ограниченную надзором власти» [Гуляев, 1845].

Абсолютное их большинство — это недавние крестьяне поморских северорусских областей [Чистов, 1962: 166], бежавшие от наступающих крепостнических порядков. «Весь этот люд, — отмечал социолог-народник Н. М. Зобнин, — сложился в общество «каменщиков», с особыми порядками и собственными неписанными, но строго исполнявшимися законами» [Зобнин, 1894: 51]. В повседневной хозяйственной жизни они руководствовались принципами реального коллективизма, так как «сохранили, — фиксирует С. И. Гуляев, — многие хорошие качества русского народа; были надежные товарищи. Делали взаимные пособия друг другу, особенно же помогали всем неимущим припасами, семенами для посева, земледельческими орудиями, одеждою и прочим». И все это при «заимочно-захватном способе поземельного расселения», когда крестьянские семейные усадьбы находились в 2–3-х верстах одна от другой [Гребенщиков, 1990: 6].

Со временем экономика «каменщиков» по необходимости стала предпринимательской. Вначале основным источником, благодаря которому могли удовлетворяться потребности общины в жизненно необходимых товарах, был пушной промысел. Меха выполняли функцию основного платежного средства в торговых отношениях с китайскими, а позднее и российскими купцами. «Мягкое золото» сбывалось в обмен на метал-

лические изделия, порох, ткани, соль и прочее особыми доверенными лицами — «гостями», избравшимися на общих собраниях. Наличие в общине алтайских «каменщиков» народных сходов и выборов, кстати говоря, указывает на бережное сохранение ими северорусских (новгородских) вечевых социально-политических традиций.

Много лет спустя уже Н. М. Ядринцев обратил внимание на сформировавшийся многоотраслевой, а, главное, товарно-рыночный характер сельского хозяйства местных крестьян-старообрядцев. Помимо пашенного земледелия, скотоводства, охоты на пушных зверей и рыболовства, по его наблюдениям, «во всех деревнях развито пчеловодство, есть хозяева, имеющие до 1.000 колодок». Причем «они вывозят мед даже на продажу в среднюю Сибирь». Вообще, как заметил Ядринцев во время своей экспедиции 1880 г., «бухтарминцы славятся своим пчеловодством и сплавляют мед по Иртышу до Омска около 8 000 пудов и воска до 500 пудов». Упоминались в его заметках и соседние с Русским Алтаем приграничные территории Китайской (Цинской) империи, куда отправляли мед на продажу или в обмен на готовую одежду и ткани [Ядринцев, 1886: 28].

К тому времени алтайские старообрядцы успешно приручили и начинали разводить благородных оленей-маралов. Характерно, что они экспортировали олени рога (панты), «продающиеся в Китай на лекарство, стоимостью до 80 руб. пара». По данным Ядринцева, «эта новая ветвь скотоводства создана в Алтае русским крестьянством». Прибыльной и перспективной отрасли хозяйства «каменщиков» он специально посвятил более позднюю по времени статью, очень содержательную в информационном отношении [Ядринцев, 2009: 95–100].

Житейские конфликты, возникавшие иногда между «каменщиками», рассматривались на волостном сходе. Решающее слово на них оставалось за «лучшими людьми», которых соседский общинный коллектив наделял властными полномочиями. «Лучшие люди, — разъясняет С. И. Гуляев, — как известно, суть зажиточные, семейные, хорошей нравственности крестьяне в деревне». По его же определению, «это аристократы или патриции мирской общины, дела которой решаются ими на сходках» [Гуляев, 1845]. Алтайским каменщикам, что бесспорно, удалось решить проблему самоуправления, воссоздавая традиционную земскую организацию выборной общественной власти, которая формировалась «снизу» из наиболее авторитетных представителей крестьянского коллектива.

Определенный интерес представляют методы борьбы с уголовными преступлениями, хотя и редко, но случавшимися в общине. Такие происшествия обычно выносились на суд «лучших людей». Их мнение по существу дела «уважалось не менее законной власти и происходило на словах». Сама процедура судебного разбирательства носила гласный и оперативный характер. При выяснении обстоятельств совершенного преступления, вынесения и исполнения приговора строго соблюдался принцип коллегиальности. Общинный суд являлся по-настоящему народным, скорым и справедливым. Правда, способ наказания, определяемый осужденному нарушителю общественного порядка, был, по современным меркам, все-таки варварским. Обычно приговор сводился к битью плетьюми либо палками, а количество ударов назначалось «по важности проступка». Некто А. Вершинин, подвергавшийся уже ранее многократному пуб-

личному битью за кражи личных вещей у односельчан, был, например, приговорен к самой крайней мере наказания. Его посадили на бревенчатый плот, ноги заколотили накрепко в два выдолбленных отверстия, дали небольшой запас еды и шест для управления плотом, а затем пустили вниз по реке Белой. Миссия исполнителя приговора вручалась речной стихии. Судьи напоследок сказали: «если-де может выплыть (т. е. выйти куда), то и счастлив, а если потонет, того будет и достоин». Выносившие приговор старейшины, судя по всему, руководствовались каноническим религиозным постулатом, согласно которому Бог — это и есть высший судья любого человека.

«Связанные одинаковою участью, одним образом жизни, отчужденные от общества, — замечает Гуляев, имея в виду внешний, оказавшийся до предела мир бюрократической России, — каменщики составляли какое-то братство, несмотря на различные верования» [Гуляев, 1845]. Действительно, ведь основавшие общину старообрядцы принадлежали к определенным соглашениям (толкам). В силу этого, казалось бы, между ними не могли возникнуть прочные добрососедские взаимоотношения. Однако, хотя внутри согласий строго соблюдался запрет на общение со сторонниками других вероучений в молитве или трапезе, но, тем не менее, подобное табуирование не препятствовало их мирному сожительству. Право личности на инакомыслие как норма уважалось всеми. Примечательно, что «каменщикам» была свойственна феноменальная веротерпимость, которая неизменно вызывает большой научный интерес у отечественных исследователей.

Ресурс исторического времени, отведенный социальному эксперименту алтайских «каменщиков», оказался невеликим. Тем не менее они продержались на трансграничном пространстве двух империй — Цинской и Российской — около полувека. При этом основатели общины в критический момент, не дожидаясь полного разгрома, предпочли самоликвидацию независимости своего коллектива на максимально выгодных условиях. «Всегдашняя боязнь от преследования пограничных начальств; неуверенность в своем положении, отчуждение принадлежавших к православному вероисповеданию от церкви; посылки в Алтайские горы партии для исследования рудных приисков и открытия новых рудных месторождений; наконец, предполагаемая постройка крепостей и форпостов в Бухтарминском крае» — так определял С. И. Гуляев мотивы, побудившие «каменщиков» в 1791 г. обратиться к императорскому правительству с ходатайством о добровольном возвращении в российское подданство [Гуляев, 1845]. В данном случае «каменщики» продемонстрировали отнюдь не фанатизм, а, напротив, реалистическое понимание окружавшей их нерадостной действительности и проявили стратегически оправданную конъюнктурную дальновидность.

Императрица Екатерина II приняла в основном их условия. Русские горцы Бухтарминской и Уймонской долин к кабинетским заводам и рудникам не были прикреплены, чего они больше всего опасались. Их волостные общины принимались в подданство империи на льготных правах «инородцев» с ежегодной уплатой ясака вместо полагавшейся им, так сказать, «по закону» двойной подушной подати. Они сохраняли определенную автономию в управлении собственной общественной жизнью, получив относительную независимость от горнозаводской администрации. Социально-правовой статус бухтарминцев определялся в рамках действовавшей государственной систе-

мы по аналогии с казачеством. Они должны были выполнять обязанности пограничной иррегулярной службы [Принтц, 1867: 556].

Итак, самая любопытная коллизия, обусловленная возвращением в лоно Российского государства «каменщиков», — это их фактическое признание метрополией в качестве особого, «инородческого» этнокультурного сообщества. Следовательно, конечный результат многолетнего народного сопротивления алтайских крестьян-старообрядцев был достаточно плодотворным. Но в выигрыше оказалась и государственная центральная власть. Благодаря мудрой политике императрицы Екатерины II произошла мирная инкорпорация в состав Российского государства обширной, богатой разнообразными ресурсами, а, главное, уже населенной трудолюбивыми людьми трансграничной территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беликов Д. Н. Томский раскол. Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы. Томск : Типо-литография П. И. Макушина, 1901. 246 с.

Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. 69 с.

Белослюдов А. К истории «Беловодья» // Записки ЗСО РГО. Т. XXXVIII. Омск, 1916. С. 32–35.

Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы / ред. С. И. Руденко. Л. : Изд-во АН СССР, 1930. 460 с.

Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул : Алт. книжное изд-во, 1974. 144 с.

Булыгин Ю. С. Документы из Государственного архива Алтайского края о заселении приписными крестьянами территории за Бийской военной линией в конце XVIII — начале XIX в. // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск : Наука, 1991. С. 200–214.

Булыгин Ю. С. О роли раскольников-старообрядцев в первоначальном заселении и освоении русскими людьми Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Старообрядчество: история и культура : сб. науч. ст. / под ред. Л. С. Дементьевой. Барнаул : Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 1999. С. 6–24.

Гребенщиков Г. Д. Алтайская Русь: историко-этнографический очерк. Приложение к газете писателей Алтая «Прямая речь». 1990. декабрь. Барнаул : Дом литераторов им. В. М. Шукшина, 1990. 37 с.

Гуляев С. И. Алтайские каменщики (рукопись) // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 163. Гуляевы. Оп. 1. Д. 113.

Гуляев С. И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. 5 февр. Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII — нач. XX вв.) / ред.-сост. И. Н. Никулина. Барнаул : Упр. арх. дела адм. Алт. края, 1997. 407 с.

Записка священника Иоанна Смирнова об истории старообрядчества на Алтае // Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII — начало XX вв.). Барнаул : Упр. арх. дела адм. Алт. края, 1997. С. 283–284.

Зобнин Н. М. Приписные крестьяне на Алтае // Алтайский сборник. Вып. 1. Томск, 1894. С. 1–75.

Кривоносов Я. Е. Документы Государственного архива Алтайского края о побегах крестьян и работных людей в «Алтайские урочища». В поисках Беловодья. Духовные уроки // Гуляевские чтения. Барнаул, 1988. С. 50–53.

Курилов В. Н., Мамсик Т. С. Поляки Рудного Алтая: историографический миф и демографическая реальность // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 23–28.

Мамсик Т. С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е годы XVIII в. Новосибирск : Наука, 1973. 206 с.

Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1987. 448 с.

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974. 392 с.

Потанин Г. Н. Письма: в 4 т. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1977. Т. 1.

Принтц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки РГО. По общей географии (отделениям географии физической и математической). СПб., 1867. Т. I. С. 543–582.

Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 510 с.

Розанов В. В. В темных религиозных лучах. Купол храма // Розанов В. В. Собрание сочинений. М. : Республика, 1994. Т. 3. С. 184–199.

Сапожников Д. И. Самосожжения в русском расколе (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). Исторический очерк по архивным документам. М. : Университетская типография, 1891. 170 с.

Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Т. 35. Петрозаводск, 1962. С. 116–181.

Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Записки ЗСО РГО. Кн. XXV. Омск, 1898. С. 1–64.

Ядринцев Н. М. Раскольничьи общины на границе Китая. Земледелец, дипломат и воин // Сибирский сборник. Научно-литературное периодическое издание. СПб., 1886. Кн. 1. С. 21–47.

Ядринцев Н. М. Сведения о мараловодстве в Алтае // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков. Барнаул : АКУНБ, 2009. Т. 3. С. 95–100.

REFERENCES

Belikov D. N. Tomskii raskol. Istoricheskii ocherk ot 1834 po 1880-e gody. [Tomsk split. Historical essay from 1834 to 1880s.] Tomsk: Tipo-litografiia P. I. Makushina, 1901. 246 s. (in Russian).

Belikov D. N. Starinnyi raskol v predelakh Tomskogo kraia [Ancient schism within the Tomsk region] Tomsk, 1905. 69 s. (in Russian).

Belosliudov A. K istorii “Belovod’ia” [To the history of “Belovodye”]. Zapiski ZSO RGO. T. XXXVIII. [Notes ZSO RGO. T. XXXVIII]. Омск, 1916. S. 32–35 (in Russian).

Blomkvist E. E., Grinkova N. P. Bukhtarminskie staroobriadtsy [Bukhtarma Old Believers]. L.: Izd.-vo AN SSSR, 1930. 460 s. (in Russian).

Bulygin Iu. S. Pervye krest'iane na Altae. [The first peasants in Altai]. Barnaul: Alt. knizh. izd-vo, 1974. 144 s. (in Russian).

Bulygin Iu. S. Dokumenty iz Gosudarstvennogo arkhiva Altaiskogo kraia o zaselenii pripisnymi krest'ianami territorii za Biiskoi voennoi liniei v kontse KhVIII — nachale KhIKh v. [Documents from the State Archive of Altai Territory on the settlement of the territory beyond the Biysk Military Line by registered peasants at the end of the 18th — beginning of the 19th centuries.]. Istochniki po istorii obshchestvennogo soznaniia i literaturny perioda feodalizma. [Sources on the history of social consciousness and literature of the feudal period]. Novosibirsk: Nauka, 1991. S. 200–214 (in Russian).

Bulygin Iu. S. O roli raskol'nikov-starobriadtsev v pervonachal'nom zaselenii i osvoenii russkimi liud'mi Verkhnego Priob'ia v pervoi polovine XVIII v. [On the role of schismatics, Old Believers in the initial settlement and development by Russians of the Upper Ob region in the first half of the XVIII century.]. Starobriadchestvo: istoriia i kul'tura: sb. nauch. st. [Old Believers: history and culture: Sat. scientific Art]. Barnaul: Izd-vo Barnaul. ped. un-ta, 1999. S. 6–24 (in Russian).

Grebenshchikov G. D. Altaiskaia Rus': Istoriko-etnograficheskii ocherk. Pril. k gazete pisatelei Altaia "Priamaia rech'". 1990. dekabr' [Altai Russia: Historical and Ethnographic Essay. Adj. to the newspaper of Altai writers "Direct Speech". 1990. December.]. Barnaul: Dom literatorov im. V. M. Shukshina, 1990. 37 s. (in Russian).

Guliaev S. I. Altaiskie kamenshchiki (rukopis') [Altai masons (manuscript)]. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (sokrashch. GAAK). F. 163. Guliaevy. Op. 1. D. 113 (in Russian).

Guliaev S. I. Altaiskie kamenshchiki [Altai masons]. Sankt-Peterburgskie vedomosti [Saint Petersburg Vedomosti] 1845. 5 fevralia (in Russian).

Dokumenty po istorii tserkvei i veroispovedanii v Altaiskom krae (XVII — nach. XX vv.) / red.-sost. I. N. Nikulina [Documents on the history of churches and religions in the Altai Territory (XVII — early XX centuries)]. Barnaul: Upr. arkh. dela adm. Alt. kraia, 1997. 407 s. (in Russian).

Zapiska sviashchennika Ioanna Smirnova ob istorii starobriadchestva na Altae [Note by priest John Smirnov on the history of the Old Believers in Altai] // Dokumenty po istorii tserkvei i veroispovedanii v Altaiskom krae (XVII — nachalo XX vv.) [Documents on the history of churches and faiths in the Altai Territory (XVII — early XX centuries)]. Barnaul: Upr. arkh. dela adm. Alt. kr., 1997. S. 283–284 (in Russian).

Zobnin N. M. Pripisnye krest'iane na Altae [Ascribed peasants in Altai] // Altaiskii sbornik. Vyp. 1. [Altai collection. Vol. 1.]. Tomsk, 1894. S. 1–75 (in Russian).

Krivososov Ia. E. Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Altaiskogo kraia o pobegakh krest'ian i rabotnykh liudei v "Altaiskie urochishcha". V poiskakh Belovod'ia. Dukhovnye uroki. [Documents of the State Archive of Altai Territory on the escapes of peasants and working people to the "Altai tracts." In search of Belovodye. Spiritual lessons]. Guliaevskie chteniia. [Gulyaev readings]. Barnaul, 1988. S. 50–53 (in Russian).

Kurilov V. N., Mamsik T. S. Poliaki Rudnogo Altaia: istoriograficheskii mif i demograficheskaia real'nost' [Poles of the Ore Altai: historiographic myth and demographic

reality] // *Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii*. [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Barnaul, 1998. S. 23–28 (in Russian).

Mamsik T. S. Pobegi kak sotsial'noe iavlenie. Pripisnaia derevnia Zapadnoi Sibiri v 40–90-e gody XVIII v. [Shoots as a social phenomenon. Ascribed village of Western Siberia in the 40–90s of the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka, 1973. 206 s. (in Russian).

Ocherki istorii Altaiskogo kraia. [Essays on the history of the Altai Territory.] Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1987. 448 s. (in Russian).

Pokrovskii N. N. Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'ian-starobriadtsev v XVIII v. [Antifeudal protest of the Ural-Siberian peasants of the Old Believers in the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka, 1974. 392 s. (in Russian).

Potanin G. N. Pis'ma. V 4 t. T. 1. [Letters. In 4 volumes T. 1]. Irkutsk: Vost.-Sib. knizh. izd-vo, 1977 (in Russian).

Printts A. Kamen'shchiki, iasachnye krest'iane Bukhtarminskoi volosti Tomskoi gubernii i poezdka v ikh seleniia i v Bukhtarminskii krai v 1863 g. [Stonemasons, yasak peasants of the Bukhtarma volost of the Tomsk province and a trip to their villages and to the Bukhtarma region in 1863]. *Zapiski RGO. Po obshchei geografii (otdeleniiam geografii fizicheskoi i matematicheskoi)*. T. I. [Notes of the Russian Geographical Society. In general geography (departments of physical and mathematical geography). T. I]. SPb., 1867. S. 543–582 (in Russian).

Pul'kin M. V. Samosozhzheniia starobriadtsev (seredina XVII–XIX v.). [Self-immolation of the Old Believers (mid XVII–XIX centuries).] M.: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2013. 510 s. (in Russian).

Rozanov V. V. V temnykh religioznykh luchakh. Kupol khrama [In the dark religious rays. Dome of the temple]. Rozanov V. V. *Sobranie sochinenii*. T. 3. [Rozanov V. V. Collected works. T. 3]. M.: Respublika, 1994. S. 184–199 (in Russian).

Sapozhnikov D. I. Samosozhzheniia v russkom raskole (so vtoroi poloviny XVII v. do kontsa XVIII v.). *Istoricheskii ocherk po arkhivnym dokumentam* [Self-immolations in the Russian schism (from the second half of the 17th century to the end of the 18th century). Historical essay on archival documents]. M.: Universitetskaia tipografiia, 1891. 170 s. (in Russian).

Chistov K. V. Legenda o Belovod'e [The legend of Belovodye]. *Trudy Karelskogo filiala AN SSSR*. T. 35. [Proceedings of the Karelian branch of the USSR Academy of Sciences. T. 35]. Petrozavodsk, 1962. S. 116–181 (in Russian).

Shmurlo E. Russkie poseleniia za iuzhnym Altaiskim khrebtom na kitsaiskoi granitse [Russian settlements beyond the southern Altai ridge on the Chinese border] // *Zapiski ZSO RGO*. Kn. XXV. [Notes ZSO RGO. Prince Xxv.]. Omsk, 1898. S. 1–64 (in Russian).

Iadrntsev N. M. Raskol'nich'i obshchiny na granitse Kitaia. Zemledelets, diplomat i voin [Schismatic communities on the border of China. Farmer, diplomat and warrior]. *Sibirskii sbornik. Nauchno-literaturnoe periodicheskoe izdanie* [Siberian collection. Scientific and literary periodical]. SPb., 1886. Kn. 1. S. 21–47 (in Russian).

Iadrntsev N. M. Svedeniia o maralovodstve v Altae [Information about deer breeding in Altai]. *Altai v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII — nachala XX vekov*. T. 3 [Altai

in the writings of scientists and travelers of the XVIII — early XX centuries. Т. 3]. Barnaul: AKUNB, 2009. S. 95–100 (in Russian).

Цитирование статьи:

Должиков В. А., Ильин В. Н. Старообрядчество Алтая в контексте дискриминационной конфессиональной политики российской имперской власти XVIII в. // Народы и религии Евразии. 2020. № 3 (24). С. 151–166.

Citation:

Dolzhikov V. A., Ilyin V. N. The Old Believers of Altai in the context of discriminatory confessional policies of the Russian Imperial power of the XVIII century. Nations and religions of Eurasia. 2020. № 3 (24). P. 151–166.
